

*«И сказал Господь сатане:
вот, он в руке твоей,
только душу его сбереги».*

(Книга Иова, гл. 2, 6)

Безлунную ночь разорвал звук. Одиночный, заунывный, протяжный. Вскоре в него вплелось ещё несколько. На всё той же минорной ноте соль-бемоль. Звук усиливался. Она не поверила своим ушам. Галлюцинация? И вдруг догадалась – собаки! Свора собак под окном больничного корпуса отпевала её ещё живого сына...

Невероятно – палата на четвёртом этаже, корпус довольно далеко от сторожевого поста! Надеюсь – охрана разгонит воющую стаю. Действительно, вскоре завывание рассыпалось визгом. Превратилось в какофонию настраиваемых перед выступлением оркестра инструментов. Через несколько секунд голоса снова, как под палочкой дирижёра, слились в слаженный вой. Нарастающий, сверлящий уши. Она выбежала из палаты. В коридоре столкнулась с дежурной сестрой.

– Вы слышите? Это невыносимо!

– Я звонила охранникам. Ничего не могут поделать. Говорят, собаки собрались со всей территории.

Сестра вошла в палату. Впрыснула ребёнку очередную дозу адреналина. Он не отреагировал на укол. Мать взглянула на иссиня-прозрачное лицо сына. Полуприкрытые веки с медленно двигающимися зрачками. Он ещё младенцем был, когда её бабушка, взглянув на спящего правнука, сказала:

– Ох, внученька, дитя с полуоткрытыми во сне глазами – не жилец на этом свете!

– Ну, что ты такое говоришь! – возмутилась она тогда.

А страшное поверие сбылось...

Она прилегла в изножье его кровати, нахлобучила на голову подушку, чтобы не слышать разрывающего душу воя...

Агония началась четыре дня назад. Отказали почки. Профессор осмотрел ребёнка. Послушал сердце, взглянул на последние анализы. Сухо сказал ей:

– А вам, мамаша, здесь больше нечего делать. Я бы советовал вам вернуться домой.

– Домой?!

– Ну, да, домой. Ваша помощь ему уже не нужна.

До неё не сразу дошла ужасная суть сказанного профессором. Она ещё верила в чудо. Её веру подогревали врачи: «Разве мы дадим погибнуть такому замечательному малышу!» Мнение авторитетного консилиума? Иногда и профессора ошибаются!

Два месяца назад в другой, Детской городской клинике, консилиум из светил кардиологов Москвы вынес категоричный приговор: неизлечимое заболевание сердца, проживёт от силы два-три месяца. Посоветовали перевести ребёнка в элитную загородную больницу. Пусть последние дни пройдут в человеческих условиях: хороший уход, индивидуальное питание, отдельная палата, чистый воздух. И вот здесь, в спецбольнице, обнадёживали, обещали поставить мальчика на ноги...

– Для чего успокаивали? – терзалась она потом. – От этой фальшивой врачебной этики удар ещё невыносимей. Нет, уж лучше правда, какой бы страшной она не была! Правильно поступают врачи на Западе, не скрывая диагноз даже от пациентов.

Два дня назад она случайно услышала разговор двух санитарок за переборкой туалетной.

– Мальчонка-то из третьей палаты отходит!

– Да, ну?

– Ага. Сегодня утром на пятиминутке сообщили. Вторые сутки уже не ходит по малой нужде.

Нянечки судачили равнодушно. Буднично, привычно. Безразличный тон усиливал зловещий смысл их слов. Она чуть было не закричала, не набросилась на них с кулаками. Вбежала в палату. Мальчик открыл глаза. Мутный полуугасший взгляд. Синюшные круги под глазами и вокруг губ. Кажется, только сейчас она поняла, что означает эта синюшность. Долго стояла у окна. Застланные слезами глаза вперились не в изрытое дождевыми струями стекло, а куда-то туда, откуда нет выхода. В бессолнечность. В полярную стужу безнадежности.

Вечером мужу в Лондон полетела телеграмма: «Выезжай немедленно. Дима при смерти».

– Когда приедет папа? – то и дело спрашивал сын.

– Скоро. Завтра утром, – успокаивала она его.

Но в воскресенье отец не приехал.

Рано утром в понедельник пришли её мать и свекровь.

– Казимир позвонил? – спросила она их.

– Нет. Не знаем, что и думать...

– А где папа? – снова задал свой вопрос ребёнок.

– Он, сыночек, уже едет в такси с аэродрома.

– Ты бы вздремнула немного, – сказала ей мать. – Хотя бы часок.

Она прилегла на кушетку. Закрыла глаза. Но заснуть не смогла. Душу переворачивал вперенный в неё взгляд ребёнка. Как будто навечно впитывал образ матери, которую скоро покинет навсегда.

– Что-нибудь хочешь, Димочка?

– Нет, ничего... – а в глазах тот же негаснувший вопрос.

– Не волнуйся, папа, наверное, уже подъезжает к больнице.

И привезёт тебе много-много машинок.

– Маленьких, матчбокс?

– Ну да, как и обещал!..

Входили, выходили врачи, медсёстры, санитарки. Скорбно сидели мать со свекровью. Она встала с кушетки, присела на краешек кровати. Гладила маленькую ручонку. И вдруг в приливе отчаянной решительности крикнула:

– Что же мы сложили руки! Может, ещё не всё потеряно!

– выбежала в коридор. Помчалась во врачебный кабинет:

– Неужели уже ничего нельзя сделать?!

Врачи что-то говорили ей. Какие-то пустые обязательные слова.

– Вера, Дима отходит! – послышался из коридора голос её матери.

Она влетела в палату. Около ребёнка уже суетились реаниматоры. Увидела, как ему вонзили в сердце огромную иглу. Из рта медленно вытекла багровая струйка крови.

– Димочка! Сыночек! – он услышал её крик. На секунду вернулся к ней оттуда, из небытия. Открыл глаза, повёл невидящими зрачками, но уже не увидел её.

Было без двадцати три пополудни. Время для неё надолго остановилось. В палате медицинский персонал спокойно и деловито делал то, что положено в таких случаях...

Её пустили проститься с ним. Странное, непонятное чувство овладело ею при виде покрытого простынею голого тела.

Это был уже не её сын, а безжизненная оболочка чужого, незнакомого ей существа. Оболочка, из которой вылетела родная душа, коченела, менялась, теряла знакомые черты, превращалась в восковую фигурку. И она поняла, что её вопль «Димочка!» и был прощанием с ним, настоящим...

Какие-то формальности. Подписи под протоколом. Согласие на аутопсию. На отправку в морг до похорон. А они зависели от приезда отца.

Истуканом, поджав под себя ноги, сидела на софе у себя в комнате. Бездумно, без слёз, без чувств. Будто не осознавая случившегося. Три с половиной месяца отчаяния, надежд, укоров совести высосали из неё все человеческие ощущения. С самого начала дала себе зарок: если он чудом выживет, бросить всё, свое суетное, отчаянное, как на кромке пропасти, существование и целиком посвятить себя сыну. Ведь он так нуждался в ней. А она так мало, так преступно мало, уделяла ему времени за его недолгие семь лет жизни. Но не сбылось. Господь не принял её запоздалой жертвы. Отвернулся от неё...

Приходили с выражением сочувствия родственники. Вернулись с юга отчим и её старший сын. Она отправила их на море – сократить, довести до минимума число вертящихся в этой ужасной карусели.

Все остальные дни исчезли из реальности и текли дурным сном. Абсурдными, кошмарными картинками... Тело стынет в морге. Тело превратилось в хрупкую ледышку. Бесплотным образом витает над матерью. Требуется забрать его из стылости. Дать успокоения в земле.

Но нет на ней места для него. Место надо выбить, вырвать из хищных рук кладбищенских самодержцев. Свекровь мечется по городу. Свекровь дошла до самых верхов пирамиды. Цековские чиновники милостиво выдают бумагу – разрешаю-

щую, позволяющую. А бумага – пшик! Главная могильщица плюёт на неё. Зловеще хохочет. Скалит золотые зубы. Качает золотыми серёжками. Машет жирным пальцем. Пухлая ручища, посверкивая, позванивая червонными кольцами и браслетами, складывается в пригоршню. Ждёт приношения. Вот так-то лучше! Идол пересчитывает бумажки, улыбается – солидный куш! И выделяет, наконец, бронированную впрок для какой-то важной персоны могилу!

Новый абсурд – бескрайнее море полотен. Струятся, шуршат – шерстью, хлопком, силоном, нейлоном. Тянутся, тянутся, обволакивают змеёй, душат. Белый луч преломился в её слезах и распался многоцветьем радуги. Рябит пестротой. И не может, не хочет собраться в свой основной, который ей так нужен, – белый, мягкий, цвет чистоты и невинности. Жаркие пасти магазинов проглатывают, выплёвывают потную толпу. И смеются над её потугами найти белый шёлк для обивки гроба. Валютная «Берёзка», наконец, сжалилась над ней и отрезала кусок чистоты...

Кошмар продолжался. Скрежетал стружками. Остро пахнул сырым деревом. Безостановочно стучал молотками. Кошмар именовался похоронным бюро. И ещё долго преследовал её своим тленным запахом...

В среду вечером с двумя набитыми заграничным тряпьем чемоданами явился, наконец, её муж.

– Почему ты так долго возвращался? – устало спросила она его.

– У меня ведь в обе стороны аэрофлотовский билет. А самолёты Аэрофлота летают из Лондона в Москву лишь два раза в неделю.

– Разве нельзя было поменять билет? Занять деньги и доплатить за другой рейс?

– Деньги у меня были. Даже остались. Я как-то не догадался...

– Не догадался?!

Он угрюмо молчал.

– Мы разыскивали тебя через посольство.

– Да, мне передали.

– И ты даже не позвонил? Дима до последнего дыхания спрашивал о тебе!

– Виноват. Прости меня.

– Это не в моих силах. Пусть Господь простит тебя!

– Я сам не прощу себе этого...

На другой день состоялись похороны. Приехал целый автобус её коллег. Пришлось пригласить их на поминки. Она с ужасом взидала на это болтающее, жующее, пьющее и курящее сборище безразличных к её горю людей. Лицемерный маскарад – вот что такое поминки! «Зачем всё это? – мучилась она. – Когда же они, наконец, уберутся»?!

Вечером, когда ряженые убрались, муж вытащил из чемодана привезённые из Англии подарки и... порнографические журналы. Она дико взглянула на него. И услышала, как лопнула и печально зазвенела последняя, все ещё связывающая их струнка...

